

ДРАКОНЬЕРЫ

ДАРИЙ ДЮЖЕ

Дарий Дюже
Драконьеры

«Издательские решения»

2014

Дюже Д.

Драконьеры / Д. Дюже — «Издательские решения», 2014

Бездна – огненная, смертельно опасная планета, возникшая в результате эгоистичных непродуманных действий живых существ. Возвращение первоначального облика планете возможно только при условии обуздания Силы властвующей на ней, называющей себя Хозяйкой Бездны. Найти способ победить Бездну и созданных ею существ может лишь один человек, но справится ли он с препятствиями на пути? Только юноша по имени Лунь может вернуть планете её первозданный облик или погубить её и все живое. Сможет ли он пройти через испытания, коварство врагов, предательство, хватит ли ему беззаветной преданности и бескорыстной поддержки друзей, чтобы остаться человеком и завершить свой путь? И, конечно, он встретит любовь, но сможет ли спасти и уберечь её в бескрайних, огненных просторах, где лишь драконьеры чувствуют себя как дома и вершат свой жестокий суд над людьми?

© Дюже Д., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Лунь	6
Пробуждение	11
Странная встреча	25
События в Январе	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Драконьеры

Часть 1

Дарий Дюже

© Дарий Дюже, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Лунь

Что может произойти в деревне на краю тверди?

Что может нарушить сонное спокойствие широких пыльных улиц, озаряемых вечным заревом Бездны?

Что может смутить живущих на краю? Заставить их толпиться на самом краю земли, на обрыве, куда в любой момент может выхлестнуть коварная волна излучения?

Наверное, нечто большее, чем вечные, странные, но давно ставшие привычными странники – драконьеры... К давно обветшавшей, требующей капитального ремонта деревенской пристани течением прибило драгал. Он не причалил, и угрюмый драконьер не кинул канат для швартовки – его прибило к нашей пристани совершенно случайно, хотя могло пронести мимо и опрокинуть в бездну бурным течением, проходящим рядом с деревней. Течение послужило когда-то поводом для основания деревни именно в этом месте. На нашем краю Тверди не так уж много удобных мест для драконьеров, поскольку обычно они причаливают только там, где нет нужды прикладывать усилия, ведя драгал против течения. Но к нам они давно забыли дорогу, не знаю уж почему, но на моей памяти всего два раза у нас причаливала драконья галера.

Теперь тем, кто занимается промыслом тварей-из-бездны, перегонкой их жира в жаропрочные смеси, приходится везти свой товар в Янавр – это деревня на другом Краю. Там сейчас довольно оживлённый порт, несколько хороших крепких пристаней, и в отличие от нашей развалюхи они редко пустуют.

Один из горизонтальных парусов драгала отчаянно хлопал на горячем ветру, поднимавшемся из глубин Бездны, его опасно кренило, заваливая на правый борт – с той стороны был повреждён креплёж паруса. Очень скоро судно сорвётся.

Видя, что драгал остался без своих законных хозяев, поселяне не растерялись – глупо было бы упускать столь лакомый кус. Быстро отыскав кошки, и прикрепив к ним длинные канаты, загодя пропитанные огнеупорным составом, поселяне, действуя на удивление слажено, притянули судно к земле. Наш дряхлый причал, нависший над раскалённым жерлом бездны, не выдержал бы тяжести падающего драгала. И когда миновала опасность потери драгоценной добычи, начались долгие споры, о том, кому принадлежит право первому взойти на борт.

Такое важное событие на какое-то время затмило все повседневные дела и распри, собрав на обрыве всех жителей деревни, от мала до велика. У каждого нашлось собственное мнение о том, кто должен первым обследовать драгал...

Я затесался в эту возбуждённую, гомонящую толпу, но, против обыкновения, на меня никто не обратил внимания, все были поглощены спорами. Пробившись в середину понаблюдать, как деревенский Голова ругается с кузнецом, я понял, что зря теряю время. Хорошо, если что-то решат сегодня, а то ведь будут спорить до морковкина заговенья. Чтобы выбраться из толпы пришлось изрядно поработать локтями, но, в конце концов, жёсткие объятия разжались, кто-то вяло ругнулся вслед. Я оттоптал бедолаге ногу.

И я оказался перед драгалом... Нет, перед Драконьей Галерой... Она трепетала парусами, словно птица, готовая улететь. Коричневые деревянные борта лоснились от смазки, изящный силуэт резко выделялся на оранжево-багровом фоне бездны. Люди за спиной все так же громко переговаривались и спорили, все теснее сжимая кольцо вокруг двух главных противников, на меня никто не обращал внимания. Я сделал шаг, и во рту стало сухо: кто они, Странствующие между Мирами?..

От драгала меня отделял небольшой клочок земли, кромка Тверди, опалённая, выжженная дыханием бездны. И я шёл так медленно, как только мог, каждый миг ожидая грозного

оклика. Не окликнули, значит – не судьба. Ещё пару секунд помедлив, взялся за канат, удерживающий драгал возле берега.

Не стоило этого делать... *ох не стоило*... – так я думал, а руки словно бы сами перебирали по канату, пропуская его вниз. Воздух бездны обжигал даже возле берега, не давая толком вздохнуть. Но это не пугало, гораздо больше интересовало то, как этим воздухом могут дышать драконьеры? Говорят, что чем дальше от берега, тем меньше воздуха остаётся над огненными просторами бездны.

Канат, наконец, кончился, и я повис, вцепившись в перила не хуже кошки, всем телом ощущая мягкое покачивание тёплого борта. Какое-то время так и висел, наблюдая за палубой – ни шороха, ни движения. Но женский крик заставил вздрогнуть: все, я обнаружен, времени на наблюдения больше нет. Вскарабкавшись на палубу, осмотрелся: какие-то тюки, бочки, бухты канатов – наверно тут найдётся, чем поживиться поселянам. Но ведь я не мародёрничать сюда шёл... Да и Стихва бы этого не поняла.

Вдруг драгал сильно качнуло, но я не стал проверять, сколько мужчин разом повисли на канатах, карабкаясь к борту галеры – на это не осталось времени. Беглый осмотр показал, что на палубе нет ничего, что могло бы заинтересовать не только любителя наживы, но и просто любопытствующего. Может, это обнаружится в трюме? Люк засыпало какими-то мягкими тюками, очень лёгкими, я быстро расшвырял их, освобождая крышку, и только теперь понял, что меня смущало в этом драгале, разумеется, кроме отсутствия экипажа... Беспорядок. Если бы на галеру напали, и экипаж был перебит, победители обчистили бы её до последней ниточки – продать можно всё. К тому же нападающие вряд ли бросили бы драгал на произвол судьбы...

Судно раскачивалось всё сильнее, а мне ещё пришлось возиться с клином железного дерева, которым заклинили люк. Знать бы кто это сделал... Ох, лучше бы я не открывал его! Плотный столб запаха, который невозможно ни с чем спутать, яснее ясного сказал: смерть. И так, экипаж всё-таки был перебит...

В нашем мире смерть – гость частый, и часто – внезапный. Но всё же не в таких количествах одновременно... Бросив крышку люка обратно, я стал медленно отступать к «моему» канату: желание искать что-либо пропало начисто, подавленное приступами тошноты.

И все же не понимаю, неужели я это искал?

Канат обвис и тряпочкой болтался над Бездной словно флаг в безветрие – зрелище достаточно жалкое, но ни один флаг в мире не может повергнуть человека в тот ужас, который окатил меня, когда я понял, что произошло. Драгал двигался... а точнее – плыл по течению, удаляясь от деревни. Было видно опустевший обрыв и спины жителей, со всех ног бегущих подальше от края...

Драгал качнуло... Да, я ещё подумал тогда, что это торопятся мои землячки, опасаясь, что я сниму пенки с их добычи... а это был шквал. Тот самый шквал – коварный поток горячего излучения Бездны. Он оборвал канаты и отпустил на волю драгал, вот только «воля» закончится очень быстро: первый же сильный шквал сорвёт незакреплённый парус, и галера погибнет, а вместе с ней и я.

Суетиться, предпринимать что-либо было уже поздно. Все, что я мог, я уже сделал десять минут назад, забравшись на борт судна. Теперь можно разве что – головой вниз, в бездну, чтобы не ожидать гибели драгала. Но я не собирался так поступать. Найдя подходящий по длине кусок каната, я аккуратно свернул его и положил на видное место: не то чтобы я очень надеялся на помощь деревенских, скорее на случай. На тот самый Случай, что принёс к нашему причалу этот злополучный драгал, что позволил Стихве найти меня первой. Найти и спасти.

Я твёрдо знал, что в моём распоряжении было, по крайней мере, полчаса, относительно спокойных полчаса. Деревня медленно отдалялась, в этом месте течение огибало небольшой мысок, и успокаивалось, здесь редко бывали выплески излучения – растительность подобра-

лась к самому берегу... Эх, будь там хоть один человек, и высадиться на землю мне не составило бы труда, правда, драгал был при этом неминуемо потерян... Но мне сейчас не до его тайн, и я оставил бы его погибать без малейших колебаний. Хотя, почему бы и нет, заняться-то мне всё равно нечем? Если оставаться на палубе (а в трюм я не полез ни за какие коврижки), то смогу наблюдать за берегом, и одновременно обследовать драгал.

Приняв такое решение, я начал систематически потрошить тюки, не пропуская ни одного. Я сомневался, что в них найдётся что-либо, кроме торгашеского хлама, но не хотел из-за своей лени пропустить что-то важное.

Поиск не дал ничего... Здесь ничего нет необычного. Я пришёл сюда, повинувшись собственной глупости, а не руководствуясь указаниями некоего «глубинного голоса». Наверное, это ожила мечта любого мальчишки о чудесных приключениях и великом предназначении... Сидя на распоротых тюках, я смотрел на удаляющийся берег, и думал, что мне суждено умереть глупым. Драгал почти миновал отрезок спокойного течения, и начал подрагивать, словно в предвкушении бешеной гонки, как будто был ездовым шипохвостом, а не судном.

Нет ничего хуже, чем ждать, и неважно – чего. Лучше уж я буду искать несуществующее, чем ждать. Тюки составляли лишь малую часть груза драгала, ещё по палубе перекатывались бочонки и валялись какие-то ящики, ранее закреплённые канатами. Странная всё-таки галера, несмотря на общую и обычную странность драконьеров. Обычно они помещают груз в трюм – это избавляет от трудоёмкого и дорогостоящего натирания каждого ящика и тюка жаропрочной смесью. Но... не людей же они перевозили в трюме? Люди над Бездной не могут путешествовать.

Ящики не поддавались никак. Сюда бы нашего кузнеца, или того, кто имел ключ от их замков, а не семнадцатилетнего мальчишку, не имеющего ни знаний, ни силы, чтоб взломать их. Драгал качнуло с борта на борт – бездна выплюнула струю излучения, но не прицельно: впору ложиться и вспоминать всю прошедшую жизнь, но...

Видимо, он был прижат ящиками к самым перилам, а теперь, когда они сдвинулись из-за прошедшего впритирку огненного плевка, стал виден. Мужчина. Нет, не так – человек. Человек на корабле *драконьеров*. Немыслимо, невозможно, нереально и, тем не менее – это так. И это равноценно тому, как если бы не наступило утро.

Никто и никогда не запрещал людям путешествовать через Бездну. Кроме Бездны. Если человеку необходимо – ни опасности, ни высокая плата, ни страдания не остановят его. Ничего, кроме верной смерти. Бездна была этой смертью... И никто, никогда не дерзал вступить на борт драгала – кроме драконьеров.

Но этот человек... его убила не Бездна. Я видел останки нескольких бедолаг, накрытых всплеском излучения на обрыве – тела их были обезображены, обожжены, изъязвлены страшными ранами. Мне трудно даже представить, в каких муках они умирали. А этот мужчина умер по-человечески: светлая кожаная куртка была порвана в нескольких местах и покрыта засохшей кровью, правую щёку пересекла тонкая царапина, обезобразившая строгие черты.

Пульса не было, сердце не билось, кровь давно высохла, но его лицо хранило выражение человека, идущего к намеченной цели, не завершившего нечто важное. Упорное, упрямое... Если у человека есть душа, то она, наверное, ещё рядом со своими бранными останками – не может мертвец сохранить такое выражение. Не может и точка.

Мужчина посмертной хваткой сжимал что-то, какой-то льдисто посверкивающий кулон – из кулака тянулась тонкая металлическая цепочка. Было бы правильно, наверно, попробовать забрать у погибшего то, за что он так крепко держался, но что-то удерживало меня от этого шага. Кошунство такого поступка? Едва ли...

Я не боялся – мёртвых бояться разве что дети, но мне было как-то не по себе. Если весы качнутся в одну сторону, противовес обязательно потянет в другую. За преступлением всегда следует наказание, даже если человек не понимает, что это наказание, и за что оно ему.

Я стоял над мёртвым, чьё лицо казалось смутно знакомо, а волосы так же белы, как мои, на палубе раненного драгала, сам ожидая неминуемой смерти, и колебался, чего-то ждал.

Льдистый, синий просверк... Я уже видел его где-то. Где? Память сопротивлялась, отказываясь вытаскивать из своих глубин казавшиеся ненужными сведения, но, в конце концов, сдалась и я вспомнил.

Это был тот самый день, когда Кемаль отбил меня у банды деревенских пацанов, с удовольствием тузивших не прошеного гостя прямо посреди деревенской улицы. Неудивительно, что я постарался запихнуть это воспоминание в самый тёмный чулан и поплотнее захлопнуть дверь. В тот день я впервые попал в деревню, увязавшись за Стихвой, впрочем – нет, это теперь она Стихва, тогда она была для меня мамой. Единственной, прекрасной и самой лучшей мамой в мире, который был прост и понятен.

Она не разрешала мне ходить в деревню, ни самому, ни с ней, но как каждый нормальный ребёнок, я был очень любопытен. К тому же мало понимал, что такое запрет, и какое наказание может последовать за ним. Я отправился следом за ней, чтобы нарваться на банду таких же малолетних пацанов. Вот только уже сбившихся в стаю и сообразивших, что всем скопом можно побить пришлого, чужака.

Кемаль растащил орущую, вопящую, размазывающую местами сопли и слёзы, а местами и кровь, кучу-малу, шлепками и подзатыльниками разогнал всех по домам. Я остался сидеть на дороге, в пыли, и молча плакал – от обиды и злости. Какое-то время он рассматривал меня, потом протянул руку и помог встать, и отвёл домой. Он стал моим первым взрослым другом, да и вообще – другом, и так я познакомил его со Стихвой. И заодно узнал, что я найдёныш, а моя самая лучшая мама в мире – вовсе не моя мама. В этот день я впервые увидел кристалл – кулон, висевший на простой металлической цепочке. Этим же вечером Стихва открыла сундук, достав кулон. И очень сухо рассказала, как нашла меня на краю, на обрыве – орущего младенца, закутанного в какие-то лохмотья, с этим кулоном на шее. Потом она убрала его обратно в сундук, положив на самое дно, и сказала, что на какое-то время я должен о нём забыть, пока не вырасту. И я забыл.

– Так и будешь стоять или всё-таки возьмёшь кулон?

Я вздрогнул от неожиданности, глядя на текущий, плавно меняющийся очертания, похожий на какого-то громадного зверя огромный сгусток огня. Единственное, что оставалось неизменным в этом странном существе – это глаза: огромные чёрные блестящие глаза, с мириадами золотистых искр в глубине. Смотреть в них – всё равно что падать в омут... Как можно бояться неизвестно чего, которое, к тому же задаёт тебе совершенно соответствующие ситуации вопросы?

– По-моему, сейчас пройдёт поток излучения, и если ты не собираешься прекратить существование, то тебе нужна защита. Возьми кристалл.

Дракон... Точнее – дракончик. Стихва и Кемаль рассказывали мне об этих существах. Им можно верить, если он говорит, что сейчас тут пройдёт поток излучения, значит, так оно и будет. Кажется, в моей истории можно ставить точку, жирную и окончательную...

– Человек, поторопись или ты погибнешь... – голос дракончика стал более настойчивым, в нём прорезались властные интонации.

Я потянулся к кристаллу, зажатому в кулаке мертвеца, и в этот момент произошло сразу несколько событий. Крышка трюма с грохотом откинулась, слетев с петель, и на палубу выпрыгнул драконьер, вскидывающий тяжёлый арбалет: он выстрелил почти не целясь и, наверное, попал, если б выбрал другую мишень, а не дракона. Тот текучей струёй пламени плеснул за борт, напоследок рявкнув:

– Надень амулет, болван!

А арбалетный болт всё-таки нашёл себе цель: падая, я увидел, как драконьер роняет арбалет, и нелепо складываясь, падает в люк трюма. Я упал рядом с мертвецом – насмешкой

из его ладони выскользнул кристалл. Он лежал, весело посверкивая гранями, словно подмигивая мне, а я никак не мог протянуть руку и взять его.

Драгал качнуло и обдало потоком горячего воздуха: вот-вот начнётся. Горячий воздух – вечный предвестник излучения. Потом драгал скакнул, словно норовистый молодой шипохвост, на которого впервые пытаются надеть седло. Хорошо хоть я лежал среди тяжёлых ящиков, которые пока ещё не двигались – было слышно, как по палубе раскатываются, от каждого скачка, бочки. От следующего удара драгал подкинуло, паруса на миг захлопали, потеряв привычное натяжение, меня пушинкой швырнуло на перила – может, так же свой конец встретил и этот мужчина – глядя в Бездну? И если правда то, что, посмотрев перед смертью в Бездну, человек может увидеть другой мир, то я не увидел ничего, кроме огненно-красной круговерти.

– Дурак, не смотри туда, тебе точно жить надоело! Все вы, люди, одинаковы... – дракончик вынырнул из-за борта драгала, сердито дёрнув большой рогатой головой.

Тяжёлая лапа с острыми когтями прижала меня к палубе, мешая дышать: дракончик не удовольствовался тем, что отшвырнул меня от края борта, для верности наступив на грудь. Острые, чуть загнутые зубы сомкнулись на конце болта, и дракон резко дёрнул головой, безжалостно выдирая наконечник, наверное, это было бы очень больно, если б к тому времени всё плечо и рука окончательно не онемели. Неужели драконьер использовал ещё и яд?

Дракончик повернулся ко мне спиной, сняв с груди лапу дав, наконец, вдохнуть свободно. А когда развернулся, уронил на меня кулон, цепочка была разорвана.

– Сожми кулон, иначе тебя ничего не спасёт.

Сожми. Легко сказать! Как его можно сжать, если не можешь даже пошевелиться? Он понял мою проблему: подцепив звено цепочки когтем, подтащил кристалл к ладони и прижал его лапой. Странное существо, я ещё не слышал, что бы драконы помогали людям. Вот напасть – пожалуйста, каждый второй рассказывает, как однажды пережил нападение дракона...

– Почему ты помогаешь?.. – губы плохо повиновались, я с трудом смог выговорить короткий вопрос. Он не ответил. Честно говоря, я и не ожидал ответа: на сегодня чудес более чем достаточно.

Он стоял неподвижно, вглядываясь своими чудесными глазами во что-то, недоступное человеческому зрению. И драгал вздрогнул, словно раненое животное, закружились коричнево-малиновые облака за головой дракончика, затрепетали, заполоскали оборванные паруса на горячем ветру излучения...

Пробуждение

Мне повезло. Повезло сказочно, но об этом я узнал много позже. Пока же я просыпался, и сказать, что просыпаться приятно, когда тебя облизывают горячим шершавым языком размером примерно с лопату – значит бессовестно соврать. Трофей улёгся поверх одеяла и с удовольствием наблюдал за моими попытками освободить из-под него руки, временами проявляя признаки хорошего расположения – обрабатывая лицо шершавым языком. Закончилось это тем, что я скатился с кровати, попутно свалив и его.

– Трофей! Немедленно прекрати, – негромко произнесла Стихва, появившись в проёме двери.

Как ни странно, он её послушался, и даже вышел за дверь, когда она жестом приказала ему выйти. Я, наконец-то смог выбраться из простыней, куда меня азартно заворачивал противник.

Стихва так и стояла у дверей, за её плечом был Кемаль. Меня удивило выражение их лиц, одновременно озабоченных и радостных. Стихва здорово сдала с тех пор, как взялась воспитывать меня. Не знаю уж, причиной новых морщинок был я или житейские неурядицы, но они покрыли лицо женщины бесчисленными тоненькими паутинками. Она была немолода, ох как немолода, и безжалостное время брало своё, не спрашивая разрешения. И сердце каждый раз замирало, когда сквозь каждодневную рутину пробивалась мысль, что в любой миг я могу потерять самое дорогое и любимое существо в Мире: от Края и до Края. Кому я тогда буду нужен – во всём этом огромном Мире, полном жизни, любви – никто не найдёт для меня доброго слова, ни одна рука не коснётся волос так, как рука мамы. Наверное, что-то отразилось на лице – Стихва всегда говорила, что меня можно читать словно книгу. Она сделала несколько шагов и присела на корточки рядом:

– Ты как? – мягко спросила мама, – Как себя чувствуешь, как плечо? Не болит?

Болит... плечо? Я ничего не понимал. До тех пор, пока пальцы не коснулись рубца. Я был ранен? Но когда, как?..

– Стихва, он же ничего не помнит, неужели ты не видишь? – Кемаль отлепился от косяка и тоже присел рядом. – И как же ты умудрился так вляпаться, а, Лунь? Не знаю даже кого тебе благодарить за спасение... разве что Бездну?

И я вспомнил: и то любопытство, что привело на драгал, и обрывок каната, болтающийся над Бездной, появление дракона и выстрел драконьера, и малиново-коричневое, кружащееся небо за головой дракончика...

– Дракона...

– Что? – хором переспросили мои опекуны.

– Дракончика... там был дракончик.

– Ты что-то вспомнил? Что?

– Кемаль, не торопи его, ты же видишь...

– Что со мной случилось? – я не помнил, как оказался здесь, и даже не знал, какой сейчас день. Судя по шраму, уже прошло довольно много времени, с тех пор, как некий любопытный юнец влез на драгал...

– Тебе повезло, Лунь, – лицо Кемалья приобрело хмурое выражение: он очень не любил, когда я перебивал его или Стихву. – Повезло просто сказочно. Драгал, потоком излучения, выкинуло на берег – прямо в сад нашего Головы. Как ты понимаешь – он не в восторге...

– А я-то какое имею к этому отношение? Я же не умею управлять потоками, к сожалению...

– Объясни это Голове, да и всем остальным тоже.

Мне оставалось только пожать плечами: я так и не смог поладить с деревенскими жителями. Не удивительно, что они во всём винят меня.

– Стихва, я видел дракона! Точнее – дракончика, и он спас меня... кроме того – на драгале был мертвец, и у него был такой же, как у меня кулон.

– И как же он спас тебя?

Какое-то время я рассматривал охотника, недоумевая, к кому относиться сарказм вопроса, и на кого Кемаль так зол. Неужели на меня?

– Дракончик дал мне кулон – очевидно, он служит защитой от излучения Бездны...

– Ну-ну... Дракончики... Таинственные кулоны, драконьеры... Стихва, тебе не кажется, что он принял бред за явь, подвергшись облучению?

Вот теперь я, кажется, обиделся...

– Успокойся, Кемаль, – мягко сказала она, – а ты прекрати дуться. Если нормально себя чувствуешь – вставай, и приведи себя в порядок. Пойдём Кемаль, нам надо поговорить... Да, Лунь, твою псину я в дом больше не пушу, если бы он не выл так вчера вечером, то и не пустила бы...

Они вышли, плотно притворив дверь, а я так и остался сидеть на полу, настроение было испорчено окончательно. Чем я так насолил ему? И меня мучило любопытство: о чём они там разговаривают? Если, как обычно, они устроились на верхней ступеньке крыльца, то можно стать возле двери и... Да, знаю, что подслушивать нехорошо, но надо же прояснить ситуацию?

– ... не из нашего Мира, Стихва. Ты понимаешь, что это значит?

– Если кто-то узнает, что благодаря этим кулонам можно преодолевать Бездну, оставаясь человеком... За мальчиком начнётся охота. Да и за любым, кто завладеет ими...

– А дракон? С чего бы ему взбрело в голову спасать мальчишку? Или Лунь врет?

– Нет. Не думаю. Во-первых, он и врать-то не умеет, во-вторых, ты же видел, с каким выражением он говорил о «своём» дракончике, в-третьих, ты видел, как заживала рана. Я не знаю ни одного лекарского растения, способного залечить рану за считанные часы, в которой, к тому же был яд...

– Ты ему веришь.

– Да.

– И ты что-то недоговариваешь.

– Есть одна древняя легенда... почти забытая, мне её рассказала *вешьти*, и то не полностью, конец истории утерян. В ней говорится, о том, как смертельно раненного человека исцеляет кровь дракона. Но – только добровольно отданная драконом человеку. Кровь убитого дракона становится мёртвой, отравляя все, на что попадает...

– И ты думаешь, что дракон исцелил мальчика?

– Да.

– Зачем?

– Я не знаю...

Меня никогда не беспокоила тайна моего происхождения – мало ли детей, потерявших своих родителей по какой-либо причине – наш мир жесток... Теперь же все представлялось в несколько ином свете. Я был не из этого Мира, и вполне может быть – даже не был сиротой. Но по какой причине меня бросили на обрыве – практически на верную гибель? И кто? И что теперь, вообще-то, делать? Я не знал. И не у кого было спросить.

Когда Кемаль ушёл проверять капканы, Стихва заставила меня снова лечь и дала выпить какой-то горьковатый отвар, как я подозревал, напиток был снотворным.

И был не так уж и неправ.

Когда проснулся, дома никого не было. Было тепло, дул мягкий тёплый ветерок – нормально для раннего утра, тихо перешёптывалась листва деревьев, робко пробовали голоса лесные пичуги. Куда могла уйти Стихва? Наиболее чёткие следы указывали в сторону деревни,

но что она там забыла? Пришлось встать и медленно двинуться в сторону деревни – терпения дожидаться названной матери дома у меня не было. Слишком много вопросов требовали ответов.

Итак, я из другого Мира... это объясняло многое, но далеко не все. Например – цвет моих волос, из-за которого мама и назвала меня Лунем: не седые, а белые. Как перья настоящего луня... я видел эту огромную, величественную птицу лишь однажды. Они редко залетают к нам, да, наверно, и на другие острова тоже. Интересно было бы узнать, что заставляет их пересекать Бездну? Кроме драконов – это единственное живое существо, рискующее бороться с Её излучением. Или взять, к примеру, кулоны. Драконьеры давно развернули бы торговлю кристаллами, да и занимались бы перевозкой пассажиров через бездну, если бы на каком-либо из островов было открыто месторождение голубоватых кристаллов. Из того, что этого не происходит, можно сделать один вывод: кристаллов мало, они достаются далеко не каждому...

Когда слева от тропы подозрительно зашуршали листья и затряслись ветки, я взялся за кинжал. За раздумьями как-то забылось, где нахожусь, и что в любой момент может напасть и просто хищник (это – если повезёт), а то и тварь Бездны. Это была тварь-из-бездны... Увидев меня, она сделала стойку и с радостным визгом сбила с ног.

– Тьфу, фу, Трофей! – пыль забила в рот и нос, но пёс не дал времени привести себя в порядок. Ухватив за воротник кожаной куртки, он волоком потащил меня через кусты, остановившись только тогда, когда сам счёл необходимым, не обратив на команды хозяина ни малейшего внимания.

Отпустив ворот, со всех лап умчался обратно, оставив меня барахтаться среди опавшей листвы и недоумевать. Впрочем, и вернулся почти сразу. Трофей довёл меня параллельно тропинке, соединяющей деревню и дом ведуньи, почти до первых домов, потом резко свернул, огибая селение по дуге. Я не сразу понял, куда он идёт, поэтому увидев причал, остановился как вкопанный: хлопая парусами на горячем ветру, плясал драгал. Красивый и гордый, совсем непохожий на ту раненую птицу, что прибило к причалу два восхода назад.

На мысу, выдающимся в Бездну, собралась толпа поселян, судя по всему, там была вся деревня, включая малышей. С этого места мне было плохо видно, что там происходит, и, видимо, Трофей разделял мою точку зрения: мягким стелющимся шагом он двинулся к мысу, следя за тем, чтобы между нами и поселянами было достаточное количество кустов и деревьев. Остановился он только на пригорке, напротив мыса, где между старыми крепкими деревьями густо зеленел высокий подлесок, откуда нам всё было видно, но долетали лишь отдельные, неразборчивые звуки.

Полукругом стояли поселяне – молча, их лиц было не видно, но мне показалось, что даже спины людей выражают испуг. Внутренний полукруг, отделённый от деревенских жителей небольшим расстоянием, составляли десятка два фигур, укутанных в длинные тёмные плащи с капюшонами – драконьеры. А впереди, опасно близко к краю обрыва...

Трофей оттащил меня назад и повалил на землю, когда я рванулся вниз – к Стихве, гордо выпрямившейся во весь свой небольшой рост и спокойно скрестившей руки на груди.

Это походило на странное судилище – и преступника уже приговорили к смерти. Или на попытку захватить важного пленника. Вот только дичь сумела обхитрить ловчих...

Беда и смерть всегда приходят неожиданно – ещё час назад был обычный, буднично-нормальный день, жизнь неторопливо текла своим чередом, но Стихва шагнула за край, и стало невозможным что-либо изменить. Я видел, как хрупкая пожилая женщина раскинула руки – словно собираясь взмыть в тусклое небо, насмехаясь над обидчиками, и скрылась за обрывом. Один из драконьеров подбежал к самому краю и, опустившись на колени, заглянул в бездну, после чего медленно покачал головой. Стихва выбрала смерть – мучительную, но быструю. Мысль «почему?» возникла в сознании нескоро: поселяне и драконьеры уже успели уйти с мыса, и те

и другие, казалось, были ошеломлены поступком ведуньи, кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени.

Через некоторое время за спиной хрустнуло, потом ещё раз, но Трофей не реагировал, значит, шёл кто-то свой. А своим мог быть только Кемаль.

– Всё видел? – в его голосе не было ни злости, ни ненависти. Ничего, кроме горечи.

Я не ответил. Не знал, как смотреть ему в глаза, как теперь с ним говорить. Только что, из-за моей дурасти, из-за пустого любопытства, погибла моя названная... моя мама. И некого было больше винить в её гибели, кроме самого себя. Наверно, Кемаль понял меня, присел рядом:

– Не казни себя, этого никто не мог предусмотреть, – он пытался говорить мягко, как когда-то, утешая ревушего от обиды пацана. И был неправ. Я обязан был это предусмотреть, ещё тогда, когда рука впервые коснулась тёплого борта драгала. За все надо платить: где деньгами, где собственной кровью и слезами, а где и дорогими людьми... Я заплатил наивысшую цену.

Неожиданная мысль заставила меня отвлечься от самоуничижительных размышлений:

– Кемаль, кто указал на Стихву? Как драконьеры узнали, что она моя мать?

– Не знаю. Вероятнее всего, кто-то местный сболтнул, как иначе? – казалось, охотник ничуть не удивился вопросу.

– Но тогда... твоя семья в опасности, и ты тоже...

– Успокойся. Мы предполагали такое развитие событий, не знали только, что все так быстро начнётся. Мои девочки ещё вчера вечером тихо ушли из деревни, теперь они, наверно, на полпути к лесному домику.

– Это же опасно. Почему ты не пошёл с ними?

– Покажи ту тварь, с которой не справится моя Тея. И, к тому же я должен был... неважно. У меня оставались ещё в деревне дела. А что намерен теперь делать ты?

– Не знаю. Ещё не думал. Мне надо вернуться домой: забрать кулоны – я не останусь здесь.

Наверно, так должно было случиться, не знаю. В тот миг я ничего не понимал – в кожу впелись мириады тонких раскалённых игл, было невозможно вдохнуть – в лицо бил горячий воздух, и пришло ощущение не то падения, не то полёта. В Бездну.

– Мысль верная, но не до конца. Дома уже поджидают драконьеры с распостёртыми объятиями. Очень обрадуются, если за добычей не придётся гоняться. То, что ты тут оказался, иначе как сказочным везением и не назовёшь. Трофей привёл? Умная псина. Кемаль протянул руку, чтобы потрепать порождение Бездны по холке, и тут же отёрнул: Трофей глухо, предупреждающе зарычал.

– Ладно, вставай, Лунь, надо уходить: рано или поздно драконьерам надоест ждать, они примутся за поиски. Не стоит обесценивать жертву твоей матери, попадая им в руки.

Охотник упруго вскочил, покосился на меня, но я и не думал вставать.

Немного помолчав, глядя на поднимающиеся из бездны тепловые потоки, Кемаль негромко проговорил:

– Мы не положим цветов на твою могилу, Стихва, но каждый раз, сорвав цветок, я буду вспоминать тебя... Пусть Бездна дарует тебе покой... – он кивнул, словно получив ответ, развернулся, и начал подниматься по склону.

Трофей, проводив охотника взглядом, положил мне голову на колени и негромко поскулил. Мне тоже хотелось лечь и скулить. Как брошенному щенку. Но позволить себе сдаться – значит предать Стихву. Не могу предать её во второй раз...

– Прощай, мама... – я должен был что-то сказать. Хоть как-то дать выход своему горю. Если не истерикой и слезами, то хотя бы этими глупыми, никому не нужными и не меняющими ничего словами. – Мне будет плохо без тебя. Пусть Бездна дарует тебе покой...

Ритуальная фраза получилась сухой и чёрствой: я не хотел ей покоя. Я хотел, чтобы мама была жива, чтобы была со мной...

Здесь нельзя было дальше оставаться, и я не мог заставлять ждать Кемалья. Но всё-таки задержался: в оранжево-красно-коричневых искристых потоках излучения наметилось какое-то движение, что-то приближалось. Я стоял и ждал, и даже мысль не мелькнула, что это может быть какая-то новая опасность, угроза. Я ждал. Сначала было какое-то завихрение, нарушение плавности потоков, потом – силуэт. Но поверить своим глазам я рискнул только тогда, когда лунь вырвался из огненного морока и сделал круг над мысом. Один торжественный круг, один печальный крик – он даже не стал отдышаться, вновь исчезнув в мареве бездны. Словно отдав последнюю дань уважения...

Кемалья я нагнал исключительно благодаря чутью Трофея – охотник не оставлял следов, да и запаха не должен был оставлять – он натирался отваром из тщательно подобранных трав, который «гасил» запах человека. Или отвар перестал действовать, или охотник давно не купался, а, может, у Трофея нюх гораздо лучше, чем у тварей-из-бездны, раз Кемалья до сих пор не сожрали.

Осколок успел вскарабкаться на самую высокую точку своего ежедневного пути, и скатиться к самому краю огненного моря: мы продолжали идти, удаляясь от деревни. Наверно, мои опекуны действительно предусмотрели такое развитие событий, допустив ошибку только в количестве оставшегося в запасе времени. Кемаль нёс большой заплечный мешок, довольно туго набитый. От помощи он отказался, не знаю уж почему. Трофеем убежал вперёд, охотник неторопливо шагал по опавшей листве, я же замыкал шествие, стараясь не очень отставать. Сил не было никаких: ни идти, ни думать – смерть Стихвы потрясла, я не мог примириться с мыслью, что её нет больше среди живых.

Осколок исчез за горизонтом, когда Кемаль, наконец-то, скомандовал привал. Мрачных отсветов бездны вполне хватало, чтобы наломать сушняка и развести костёр. Ночь миновала спокойно, и охотник не стал меня будить, разделив ночное бдение с Трофеем. Следующий день прошёл в молчании, под шёпот ветра и пересвист птиц, мы устроили привал, как и вчера уже после захода светила, я вызвался дежурить первым.

– Нет, – просто ответил охотник, – ложись спать.

– Но...

– Лунь, ты, кажется, немного неправильно оцениваешь ситуацию. Завтра ты пойдёшь один. К сожалению, я не могу быть твоим спутником – о моей семье некому заботиться... понимаешь?

Я кивнул. Это было и так понятно, и всё-таки я надеялся, что Кемаль дойдёт со мной хотя бы до Янавры... Я не мог его просить. Не потому, что гордость не позволяла. Это было бы просто нечестно, заставлять разрываться его между давней дружбой и тревогой за семью.

Спустя какое-то время мы сидели, глядя в огонь и допивая пахучий чай. Всё было сказано, всё было приготовлено. Большой мешок был разложен по двум заплечным мешкам: мой – побольше, Кемалья – поменьше. Весь следующий путь был оговорён и заочно мне известен, и говорить больше было не о чём. В душе было пусто и тревожно – все эти события обрушились на нас слишком быстро, и именно поэтому – пугающе.

– Ладно, давай, ложись спать, Лунь. Тебе надо отдохнуть. Вполне возможно, что такая спокойная ночёвка выпадет теперь нескоро.

Он, было, поднялся, собираясь подкинуть дров в костёр, и уселся обратно:

– Да... едва не забыл, – откуда-то из-за пазухи потянул цепочки. – Стихва успела передать их мне...

Кулоны раскачивались, как маятники, на концах цепочек: посверкивали, помигивали гранями.

– Я думал, они достались драконьерам...

– Нет, – Кемаль смотрел на них, словно замороженный игрой огня на гранях, – не достались. Они твои... забери их, Лунь! – охотник с неожиданным для такого уравновешенного человека раздражением бросил мне кулоны.

– Забери, спрячь, и никому не показывай. Из-за них тебя могут убить, так что, будь очень осмотрителен: с кем и о чём разговариваешь...

Он ушёл до рассвета, не попрощавшись. Я слышал, как охотник встаёт и собирается, и сделал вид, что всё ещё сплю. Всё было сказано ещё вчера. Когда он ушёл достаточно далеко, я встал и тихо посвистел – из кустов почти сразу вынырнула хищная морда Трофея. Итак, я остался один, но не совсем, и нам тоже было пора в путь.

Было как-то странно понимать, что это хищное порождение бездны, размером с молодого телёнка, закованное в броню и снабжённое смертоносными когтями и клыками, беспокоится обо мне. Он – одна из причин, по которой я не сошёлся с деревенскими. Страх не давал им понять, как можно приручить тварь. А приручить их очень просто – спасти от смерти.

Трофея я нашёл вскоре после памятной свалки с деревенскими пацанами. У меня было много свободного времени, а проводить его было не с кем. Чтобы хоть как-то занять досуг, я начал ходить в лес, пропадая там по дню, а иногда и ночью. Обеспокоенная Стихва попросила Кемалья присмотреть за мной, и я получил в наставники опытного охотника. Он многому научил меня, ещё больше я узнал, наблюдая за его действиями. Наверное, я мог стать неплохим охотником, если бы Стихва не заинтересовала меня травами, их целебными и ядовитыми свойствами. Почти перестав ходить с Кемалем на охоту, стал с удовольствием отправляться с мамой за травами. Единственное, что не нравилось – приходилось заучивать на память рецепты мазей и настоев.

Но в тот день я не пошёл со Стихвой, увидев накануне, как в лесу расставляли капканы отец и сын Маной. Это был тот мальчишка, что громче всех кричал «Бей найдёныша!», а такое, так просто, не прощается...

Два первых капкана оказались пусты и я расшвырял листья, маскирующие их. Просунув в металлические челюсти палки, заставил захлопнуться – не видать им добычи в этот раз. Иногда, когда я вспоминаю об этом эпизоде жизни, мне кажется эта месть мелкой и глупой, но тогда она была очень важным событием. Третий капкан они установили на самой кромке леса, возле обрыва, и там их ожидала добыча.

Молодая тварь, щенок, Трофей... Он был измучен борьбой с капканом, земля вокруг стала месивом из травы и листьев, испятнанных кровью. Увидев меня, он угрожающе приподнял губы над игольно-тонкими белыми клыками, зарычал и попытался встать. У него получилось, но я видел как ему трудно, как щенка трясёт от слабости.

До сих пор не знаю, почему решил его спасти: никто, никогда не пытался приручать тварей – это было немислимо. Но я присел на корточки и ласково заговорил с ним. Щенок насторожил уши, в больших, янтарно-коричневых, умных глазах мелькнуло что-то вроде любопытства. Постояв ещё немного, он снова лёг, настороженно наблюдая за каждым моим движением. Пришлось заговаривать ему зубы с час, потом попробовал встать, но тварь-из-бездны заложила уши и снова зарычала. Пришлось сесть обратно.

Я готов был ждать вечность, но времени у нас было – только до завтрашнего утра, когда Маной придут за добычей. Тем временем Осколок поднялся довольно высоко, становилось все жарче. Пришлось снять куртку и демонстративно отстегнуть кинжал от пояса – мне казалось, щенок знает, что такое оружие.

Я не предполагал, что моя маленькая месть займёт много времени, но все же захватил с собой кожаную флягу с водой и кусок хлеба с копчёным мясом. Хлеб и мясо щенок обнюхал, но есть не стал, а вот на булькающую флягу смотрел жадно. Но у меня не было ничего, во что можно было бы налить воды, а из фляги он вряд ли сможет пить. Поиски сосуда не заняли много

времени, и вскоре я уже наливал воду в широкий ворсистый лист, прогнувшийся неглубокой миской.

В этот раз щенок не зарычал, когда я сделал шаг к нему, переводя взгляд с меня на воду и обратно. Страх перед человеком всё-таки пересилил жажду, и он оскалится, мне пришлось остановиться. Так повторилось несколько раз: шаг к нему, короткая борьба между страхом и жаждой, и белоснежный оскал клыков. Наконец, я оказался в двух локтях от щенка, и решил, что хватит – последний шаг он должен сделать сам. Я не обманывал себя – в любой миг он мог броситься и перегрызть мне горло, несмотря на лапу в капкане и измученный вид. Но он этого не сделал. Он уже тогда был очень умным щенком.

Принюхиваясь, щенок часто облизывался, в конце концов, не выдержал и медленно встал, и когда он сделал первый шаг, то смотрел не на воду в моих руках, а в глаза. В глаза странному существу, от которого пахло страхом, но, тем не менее оно предлагало ему воду. Он вылакал все, ни разу не взглянув на меня, и не отреагировал, когда я снял фляжку с пояса, чтобы налить ещё. Но это была ещё слишком маленькая победа.

Трофей не стал возвращаться на прежнее место, лёг рядом, часто и тяжело дыша. Не знаю, было это просто усталостью или доверием, и не помню, о чём я подумал в тот момент. Я протянул руку к капкану, но зубы щенка оказались молниеносны – по коже заструилась кровь, когда тонкие иглы клыков прокусили запястье. Я замер – щенок тоже. В тот момент, кажется, мы оба не знали, что же теперь нам делать. Я сидел, не шевелясь, не делая попыток освободиться или ударить его, он смотрел на меня также замерев. Кто-то скажет, что это невозможно, поскольку хищник, а уж тем более – тварь, попробовав крови, не смогут остановиться. Трофей смог. Через несколько минут, для меня показавшихся часами, он осторожно разжал зубы, облизнувшись, брезгливо сморщился. Видимо, вкус человеческой крови пришёлся не по вкусу. Осторожно подняв лист, я вылил остатки воды из фляги и предложил ему, и щенок не отказался.

При следующей попытке, я был более осторожен, двигаясь медленно, чтобы щенок не подумал, что я ему угрожаю. Он внимательно наблюдал, как я разблокировал запирающий капкан механизм, и осторожно разжал металлические челюсти. Как только капкан был убран, щенок принялся вылизывать рану, зарывав, когда я протянул к ней руку.

Понаблюдав некоторое время за его действиями, я встал. Кроме повреждения мягких тканей, там, судя по всему, был перелом, чтобы как-то помочь, следовало зафиксировать кость. У меня не было перевязочных материалов, и ничего подходящего для шины, так что пришлось обходиться подручными средствами: моя рубашка пошла на широкие полосы, а планки получились из двух обструганных веток. Не самый лучший вариант, мне пришлось долго сглаживать кинжалом неровности веток, но все же лучше, чем ничего.

После освобождения из капкана щенок, похоже, мне более или менее доверял. Он перестал отвечать рычанием и оскалом на каждое движение и, закончив зализывать лапу, остался лежать, не пытаясь удрать, как это сделал бы любой дикий зверь на его месте. Пока я перевязывал рану, зубы щенка пару раз щёлкнули в опасной близости от рук, но в последний момент ему удавалось остановиться. Я очень осторожно бинтовал и, понимая, какую боль он терпит, не удивлялся попыткам инстинктов хищника расквитаться с мнимым обидчиком. Все эти действия заняли большую часть дня, Осколок клонился на закат, когда я завязал последний узел.

– Нам надо идти... – это я сказал скорее для себя, чем для щенка, но он поднял морду и посмотрел на меня умным, вполне понимающим взглядом. Попытался встать и упал. Трофей был щенком, и для него оказаться на сутки в таком положении было очень тяжело. Он задрожал, когда я осторожно подsunул под него руки и поднял. И он был очень тяжёлым. Не знаю, как бы мы добирались домой, если б за спиной не прозвучал знакомый голос:

– Так-так, теперь я знаю, кому обязан славой самого удачливого охотника.

Этика охотников не допускала браконьерства в их среде. Дело было даже не в том, что у каждого была своя метка, признак, по которому охотник определял, забирали ли кто посторонний пойманную капканом дичь, даже если взведённый механизм прятали в листве точно так, как это делал хозяин. Ты мог взять чужую добычу, но тогда будь готов к тому, что кто-то возьмёт твою. В прошлом такие шалости приводили к настоящим охотничьим войнам, остановить которые было очень трудно.

Но Кемаль закрыл глаза на мой, скажем честно – не совсем красивый поступок, поскольку знал мотив, отчасти потому, что увидел щенка твари у меня на руках. Как уже говорилось, считалось, что приручить тварь-из-бездны – невозможно.

– Как ты меня нашёл?

– Стихва попросила привести тебя домой. Она удивилась, когда ты неожиданно отказался идти с ней на дальний обрыв, и попросила присмотреть за тобой.

– Она слишком опекает меня... – я не то чтобы был возмущён этим фактом, скорее расстроен.

– Я бы не сказал. Я нашёл твой след ближе к обеду, и тебе очень повезло, что это оказался я, а не Манои. Не понимаю, учился ли ты чему-либо у меня или нет? Ты оставил такой чёткий след, что завтра утром у дома Стихвы собралась бы вся деревня, и весьма возмущённая. Когда я понял, что ты творишь, то принялся замечать следы – в основном твои. Если б не это, я нашёл бы тебя намного раньше.

На протяжении всей речи Кемалья, Трофей лежал у меня на руках неподвижно, но стоило охотнику сделать шаг, как щенок заложил уши, оскалился, и весьма грозно зарычал. Кемаль остановился. По моему совету, он снял с себя куртку и все оружие, демонстративно бросил на землю. Потом нашёл широкий лист, и налил в него воды. Представление с преподнесением воды щенку повторилось, но, в конце концов, Трофей смиловился и принял подношение. После того как он вылакал воду, несколько оробевший охотник осторожно взял щенка – к этому моменту я едва удерживал его на весу. Вместо твари-из-бездны пришлось нести куртку и снаряжение Кемалья, и понять мою радость может только тот, кто с четверть часа, а то и больше, держал на весу примерно две трети своего веса.

В общем, домой мы добрались перед самой темнотой, но зато без приключений. Как ни странно, но на Стихву щенок, когда проснулся, отреагировал очень мирно. Ей не пришлось так долго уговаривать его подпустить её к себе, как нам с Кемалем. Она осмотрела и перевязала рану, и все процедуры он вынес стоически, ни разу не позволив себе показать моей маме зубы.

Она не стала меня ругать за глупость и неосмотрительность, зная, что из этой истории я вынес свой урок, но замечание всё-таки сделала.

– Никогда не лай на собаку в ответ на её гавканье. Пни её, если пытается укусить, ударь палкой – но не лай в ответ. Лунь, в человеке от рождения заложено много качеств, но если ты позволяешь развиваться в тебе мелочности – никогда не испытаешь глубины опущенных чувств. Это очень печально, и на такого человека смотрят с состраданием, как на убогого. Учти это, пожалуйста.

Время шло, раны Трофея заживали, он все чаще выбирался из своего убежища – корзины, и обследовал дом и прилегающую землю. Он не убежал, как только поправился, чего я втайне боялся, а остался жить на улице, с удовольствием ночуя под крыльцом. Более ли менее он слушался только меня, игнорируя Стихву, а над Кемалем, при каждом удобном случае, подшучивая – пугая из засады. Наверное, это была нелюбовь твари к охотнику, ничего более, такая себе, небольшая месть. Но в общем-то, мы уживались довольно мирно. А теперь из прошлого – такого милого, светлого прошлого – остался только он: по-своему уникальная тварь, сумевшая ужиться с людьми, мой Трофей.

Мы пробирались на восток, медленно, петляя, но верно. Дневной лес – довольно мирное зрелище: ночные хищники спят по своим потаённым логовищам, и на свежий воздух выходят

те, кто пережил ночь – всякое мелкое зверье, готовое схарчить всё, что движется и не превосходит его размерами. Все ягоды и плоды, что спеют на светлых, согретых лучами Осколка, полянах. Те, кому хватит ловкости и наглости залезть в мешок путника, и стянуть какую-то круглую лепёшку, что так соблазнительно пахнет...

Этого коцека я заметил, только когда он вынырнул из горловины мешка, зажав в зубах добычу, и задал стрекача. Двух предыдущих зверьков я отогнал тонким прутиком, а потом меня сморила лёгкая обеденная дрема, и следующего воришку я пропустил. Трофей проводил наглеца ленивым взглядом: небольшой зверёк мчался к кустам, потешно складывая непропорционально длинное, по отношению к коротким ногам, тулово, виляя пушистым хвостом из стороны в сторону. Большая лепёшка мешала ему, сбивая с шага, и он высоко задирает маленькую головку с остренькими ушками, покрытую, как и все тело, коричневым коротким мехом. Трофею ничего не стоило нагнать и задавить наглеца, но он был не голоден, и счёл ниже своего достоинства охотиться за столь мелкой добычей.

За плечами было полдня пути, и если честно, то вставать и идти дальше не хотелось, но слово «надо», как обычно, пересилило лень. Если ничего не случится непредвиденного, мы выйдем к Янавру через шесть – семь дней. Пока же мы шли по привычному, сухому и сумрачному лесу, лишь дважды нам попадались мелкие ручейки, берега которых были истоптаны копытцами и изорваны когтями. С большой опаской мы напились, и я набрал воды во фляги, пока Трофей наблюдал за окрестностями.

Я сознательно запретил себе думать о случившемся, и о том, что мне делать дальше. Я знал слишком мало чтобы делать правильные выводы, а напридумывать можно таакоое. Дойду до Янавра, а там разберусь на месте, кто я, что я, и как мне жить дальше...

Привал мы устроили засветло, я не решился, как Кемаль, идти в сумерках.

Наломав сушняка, развёл костёр побольше, разогрел две лепёшки, насадив на прутик – одну предложил Трофею, и зверюга её с удовольствием слопал. Завернувшись в плащ, я лёг, надеясь, что усталость отгонит дурные мысли, страхи, и хоть немного, но посплю. За всю ночь Трофей лишь раз насторожился. Не знаю, что разбудило меня в очередной раз, но пёс, до этого мирно посапывающий, положив голову на лапы, стоял, напряженившись, насторожив чуткие уши. Через какое-то время он успокоился и, потоптавшись, улёгся, свернувшись клубочком. Что бы ни ходило во тьме рядом с нашим лагерем, оно ушло.

Следующие два дня прошло спокойно, мы двигались на восток, изредка отклоняясь от маршрута, чтобы найти воду. Я постепенно привыкал к чувству одиночества, и не просыпался по ночам от каждого шороха, полностью доверившись Трофею. На третий день путь вывел на обрыв. До вечера шли вдоль широкой выжженной полосы земли, покрытой сетью трещин, сухой горячий ветер веял из Бездны: где-то бушевал шторм, выжигая берег.

Наступила ночь, но на обрыве было светло от зарева Бездны, ночное небо отсвечивало багрянцем – как будто и там разверзлась огненная пучина. Разводить огонь было небезопасно, существовала, хоть и ничтожно малая, вероятность, что костёр заметят с проплывающего мимо драгала. Мы отошли вглубь леса, и только там устроили привал. Ко мне с острой ясностью вернулось ощущение первой ночёвки в лесу, после ухода Кемалья. Неуютное, настороженное ощущение приближающейся опасности, выматывающее нервы. Но Трофей вёл себя спокойно, и я заставил себя успокоиться – его чувству опасности доверяя больше, чем своему.

Разогрев над огнём нехитрый ужин – лепёшки, кусок мяса и заварив чай, я предложил угощение Трофею, но он, демонстративно взглянув на пустеющий мешок, отвернулся и лёг спиной к огню. Я не стал настаивать, вспомнив, как он вынырнул из кустов пару часов назад, облизывая окровавленную морду. Голодным он не останется, а если возникнет необходимость, то и меня прокормит. Но, когда под ножом сочно хрустнул зеленоватый плод гуаямы, его интерес выдали ставшие торчком уши – от такого лакомства он откажется не смог. Я разделил плод, размером с кулак, пополам, и бросил половину через костёр.

Не знаю, может, среди его скрытых достоинств есть дополнительная пара глаз на затылке, но только что лежавший ко мне спиной пёс, извернулся совершенно неожиданным образом, и поймал свою половинку.

Вообще-то, считается, что твари-из-бездны – исключительно кровожадные создания, питающиеся только свежим, ещё тёплым мясом. Ну а человечинка для них – любимое лакомство. Не знаю, может и так. Единственная, хорошо знакомая мне тварь оказалась всеядной... Начав с моих старых башмаков, и закончив воровством недозревших плодов гуаямы из сада Головы.

Доев сладковатый плод, я встал: ночь уже наступила, а я никогда не заглядывал в бездну ночью. И почему-то именно сейчас мне очень захотелось это сделать. Иногда я следил за деревенскими мальчишками просто от нечего делать, мне было интересно посмотреть, как они играют. И вот однажды, я заметил, как их ватажка двинулась вдоль обрыва прочь от деревни, заинтересовавшись, я последовал за ними, скрываясь за деревьями.

Когда деревня скрылась из виду, мальчишки остановились, возник какой-то спор. В результате от основной группы отделились двое пацанов постарше. В одном из них я узнал Маной-младшего. Они очень неохотно, медленно побрели к краю обрыва, видимо, подгоняемые насмешками друзей – до меня долетал смех и обрывки фраз. Я так понял, эти двое похвалились особой смелостью, и тем, что не боятся заглянуть в бездну с обрыва. К счастью, все обошлось – полежав несколько секунд на краю, эти двое вернулись к своей стае, а потом, галдя и хохоча, вся ватажка двинулась к деревне.

Выждав, пока утихнут голоса ребят, я вышел из-за деревьев. Мне было интересно. Как-то раньше было всё равно, что там, за обрывом. Бездна и бездна... Ну и Бездна с нею, и так все понятно: шторма, бури, струи и потоки излучения, уничтожающие все, до чего дотягиваются. Я никогда не задумывался – а что там, внизу? Что питает эту разрушительную силу? В чём причина? Мне было тогда лет двенадцать, из возраста почемучки я вроде бы уже вышел, а до вопросов вроде сакраментального «в чём же смысл жизни?» ещё не дорос. Мною руководило незамутненное детское любопытство.

Сухая выжженная земля больно била в пятки, словно мстя любому за свои мучения, за то, что не могла родить никакую жизнь. Я шёл быстро – чтобы не раздумать, не струсить в последний момент. Дойдя до того места, где лежали мальчишки, я рассмеялся: им не хватило смелости заглянуть в Бездну. Сухая корка земли обвалилась, и чётко сохранила отпечаток двух детских тел – за две ладони до обрыва. Они все сделали правильно: наблюдатели стояли слишком далеко, за границей опасной зоны, а марево, поднимающееся из Бездны, искажало картину.

Я лёг на край, и только тогда подумал, что он вполне мог обрушиться, но отступить было поздно. Зажмурившись, выставил голову за край и только тогда рискнул открыть глаза. Ничего такого я не увидел: горячий воздух бил в глаза, ослепляя слезами, а внизу, куда достигал взор, вращалась, хаотически расплёскиваясь, круговерть оранжево-алых потоков.

Смотреть долго было невозможно: горячий ветер жёг лицо и заставлял плакать, не давал вдохнуть. Медленно встав, я побрёл к лесу, и только выйдя за пределы прокажённой земли, услышал странный звук, похожий на змеиное шипение пополам со свистом. Обернувшись, я увидел, как из бездны вылетает огневеющая струя излучения с множеством особенно ярко светившихся боковых «щупалец» – после них на земле остаются чёрные тонкие полосы. Это сгорает сама земля, обращаясь в чёрную жирную золу.

Я почти успел добежать до леса, когда плеть излучения врезалась в землю на обрыве, а потом меня накрыла волна горячего воздуха, сбила с ног и протащила с десятков локтей по земле... Домой я вернулся к вечеру, ободранный и исцарапанный, но живой. И больше никогда не заглядывал в Бездну – чёткое впечатление предупреждения и угрозы надёжно защищало от праздного любопытства. Хотя, скорее всего, это была простая случайность, совпадение.

Может, та струя и была предупреждением. Но теперь у меня была защита от излучения, а вредное любопытство опять вопрошало, глядя невинными детскими глазами: а что там, за краем? Ну что? Ну, интересно же... И как обычно, я пошёл у него на поводу. Всех, кого оно могло погубить – уже сгубило, остался только я. Но, с некоторых пор, не очень-то дорожу жизнью.

На границе леса и обрыва я остановился, неожиданный холод пробежал по коже. Меня знобило от неподвластной силе воли ужаса – перед Бездной. Насколько было понятно из разговоров Кемалю и Стихвы – этот ужас считается болезнью, которой, в той или иной степени, подвержено все население нашего Мира. И лекарства, кроме собственной воли, от него нет.

Сделав несколько шагов в сторону обожжённой земли, услышал шорох позади – это Трофей заинтересовался моими действиями и пошёл следом.

– Дальше не ходи. Подожди меня здесь.

Он понял, уселся, вывалив язык и часто дыша – словно бежал только что, а не мирно лежал у костра. Я же двинулся дальше, мной руководило уже не столько любопытство, сколько желание преодолеть страх.

Лёжа на краю, чувствуя, как в грудь впадают острые грани кристаллов, с замиранием сердца вглядывался в огненную круговерть. Это было красиво – феерическое буйство огненных стихий... Я не сразу понял, что вижу потоки достаточно чётко и могу нормально дышать, несмотря даже на чересчур горячий воздух. Казалось, кто-то перемешивает потоки великанской ложкой, сливая их в одну вращающуюся воронку, через какое-то время, вспухающую огромным разноцветным фонтаном или диковинным цветком. Там, внизу, носились стаи золотистых огоньков, переплетаемых струями лилового течения, оранжевая огневеющая лента сплеталась с алым, и вдруг рассыпалась причудливыми огнями, тонущими в буйстве красок.

Там была жизнь, непонятная, неясная, скрытая от людей флёром горячего марева, страхом, и очевидной смертью. Но там была жизнь.

От созерцания Бездны меня отвлек Трофей, причём достаточно бесцеремонно – ухватив за штанину и оттащив от края. У меня кружилась голова, и на любое резкое движение отзывалась глухой болью. Сколько же времени я провёл, лежа на краю и вытянув шею?

Вернувшись к почти прогоревшему костру, подкинул в него веток, я лёг, устроив мешок под голову. И так, выяснилось, что кулон не только защищает от излучения, но и проясняет зрение – мне не мешало марево поднимавшегося из Бездны жара. Я видел настолько ясно и чётко, насколько позволяло слабое человеческое зрение... Но нужно ли мне было это знание? На этой мысли меня сморил сон, полный неявного ужаса, огненной круговерти и чьего-то визга. Потом я понял, что слышу визг не во сне, а наяву. Где-то рядом от боли визжал Трофей...

Сон слетел пушинкой, когда я вскочил, но спросонья никак не мог сориентироваться: казалось, десяток Трофеев визжат со всех сторон. Метнувшись в одну сторону, потом в другую, наконец, увидел за деревьями на обрыве непонятное шевеление и, выхватив кинжал, побежал туда. Трофей визжал от боли, временами переходя на жалобное поскуливание. Я такого от него никогда не слышал. Но никто и никогда не видел такого...

С обрыва в Бездну уходило толстое тело?, стебель?, а может – туловище? Что-то толстое, на обрыве разветвившееся на более тонкие и длинные плети или щупальца, извивающиеся на земле. Эта штука была розовато-жёлтой, полупрозрачной, цвет пульсировал, словно кровь в жилах, создавая неприятное ощущение живого, но чуждого человеку. В одном месте щупальца-плети образовали тугой клубок, оттуда-то и доносился визг.

У меня не было времени думать – там был Трофей, и возможно, в этот момент тварь выдавливая из него последнюю кровь... Врезавшись в щупальца в том месте, где был ближе всего клубок, я принялся рубить их кинжалом. Секлись они легко – как студень, и на какой-то миг, раздались в стороны. Словно в недоумении. Я успел заметить, как с обрубков капает какая-то тягучая, как кисель жижа и, падая на землю дымится. А в следующий момент кинжал

уже ничем не мог помочь – слажено, как одно существо (а так оно и было), щупальца рванули ко мне, и в одну секунду оплели так, что стало невозможно пошевелиться. В тот момент, я ничего, кроме омерзения и ужаса не почувствовал. Несколько щупалец проскользнули под одежду, оставив на коже слизисто-мерзкий след. Ещё одно скользнуло в ворот рубахи, прижав к груди кристаллы, заставив задрожать от отвращения и вдруг отпрянуло.

Воздух засвистел, когда вокруг, как в агонии, забились щупальца. Они соскользнули с меня и отпрянули от Трофея, конвульсивно содрогаясь – что-то причинило им сильную боль. Потом существо медленно и вяло стало соскальзывать в Бездну, а я стоял, не в силах осмыслить случившееся. Меня, нас, опять спас кристалл.

Трофей лежал, как мёртвый, и даже не скулил – на теле, там, где его не защищали броневые пластины, были жуткого вида ожоги. Я и сам чувствовал, как начинают гореть места, где кожи коснулись щупальца. Но меня-то они только коснулись, а псину обнимали не знаю уж сколько времени. Трофей был неподъёмным – не могло быть и речи о том, чтобы перенести его к нашей стоянке. Если бы не страшные ожоги, можно было переложить его на плащ и оттащить, но с такими ранами это невозможно. Все что я мог сделать – перенести стоянку сюда, благо она недалеко.

Сняв с шеи один из кулонов, я осторожно накинул цепочку на шею Трофея.

– Я сейчас вернусь, – я пообещал это глазам твари, которые только и остались жить, наполненные страданием.

Трофей все так же лежал, когда я вернулся, вокруг было тихо. Выпотрошив мешок, нашёл на самом дне набор лекарственных трав, пузырьки с мазями и с настоями. Бездна давала достаточно света, не нужно было разжигать костёр. Пять капель отвара, изготовленного по рецепту Стихвы на язык должно хватить, чтобы облегчить страдания Трофея. Я почувствовал, как его большое тело расслабилось, когда отвар начал действовать. Потом – мазь от ожогов. Обработав один бок, я расстелил свой плащ, и осторожно перевернул его: другая сторона была так же сильно обожжена.

Когда закончил обрабатывать последний ожог, Трофей уже спал, видимо, ему снился недавний бой. Было тепло, но он слабо дрожал – пережитые боль и ужас даже у твари-из-бездны отняли слишком много сил.

Теперь можно заняться собой. Кожаная куртка, как ни странно, устояла перед слизью этого существа, а вот штаны и рубашка оказались прожжёнными в нескольких местах. И ожоги пекли все сильнее. Две капли отвара и немного мази сняли все неприятные ощущения, но не усталость. Остаток ночи я провёл, расхаживая по обрыву, боясь сесть, чтобы не заснуть. Нашёл и подобрал кинжал: в этой битве он оказался бесполезным, но, возможно, пригодится в следующей. А то, что она будет, можно не сомневаться.

И с первыми лучами Осколка я понял, что это было первое предчувствие, которое сбывается. И я знал, что оно – не последнее. Что-то во мне сломалось после этих событий, но то, что что-то окрепло и проросло новой силой, я понял только теперь. Передо мной лежал путь. Я не знал, куда он ведёт и к какой цели, не ведал, какую цену придётся заплатить за него, но за это ощущение путеводного луча стоило отдать многое.

Прошёл день, и вроде Трофею стало немного лучше. События прошлой ночи казались нереальными, бредовым сном. Никто и никогда не говорил, что встречал подобных тварей, которые неразрывно связаны с Бездной. Да, порождений Бездны – огромное количество разных видов. Но, выйдя из огненного марева на твердь островов, они не могут в него вернуться. Падение в бездну для них равнозначно смерти, как для людей и обычных животных. Что же это за новая напасть?

Прошло ещё две полубессонные ночи, когда Трофей, наконец, встал на лапы, но пришлось потерять ещё почти два дня, чтобы он окончательно окреп. На пятый день после встречи с тварью-из-бездны мы вновь отправились в путь.

Наверно, мы слишком углубились в лес, в своём стремлении отдалиться от бездны – третий день блуждали в чаще, а Болотиц всё не было видно. Положение сложилось достаточно скверное: мы сбились с пути, практически закончились припасы, а Трофей был ещё недостаточно здоров, чтобы охотиться. Правда, пару раз мне удавалось подстрелить мелкое лесное зверьё, но этого на двоих было мало, а на настоящую охоту пёс не позволял мне отправиться. Просто становился поперёк дороги и угрожающе скалил зубы.

На четвёртый день нам не встретилось ни одного родника или речки. Мы шли до самой темноты, надеясь найти воду, а когда непроглядная темь и усталость все же вынудили остановиться на ночлег, всё время чудился тихий переплеск речных вод.

Плеск воды чудился даром – до реки мы не дошли совсем чуть-чуть. И, напившись, отправились искать переправу – речка была достаточно глубока, а сильное течение не вызвало желания переправляться вплавь. Можно было бы остановиться на денёк порыбачить, но не хотелось затягивать путешествие, которое и так получилось длиннее, чем предполагали мы с охотником.

Переправа нашлась нескоро – уже были видны проблески марева бездны между деревьев, когда мы наткнулись на старое поваленное дерево, упавшее кроной на другую сторону реки. Дерево было подрублено, а не вырвано с корнями – это была старая переправа охотников или просто путников, идущих в Янавр. Ну, сойдёт и такая переправа, несмотря на то, что ствол лежал в воде, недотягивая где-то восьми локтей до берега, неизвестно, сколько времени пришлось бы искать что-либо другое, более удобное.

Старая древесина влажно скрипела, но держала, местами мягко проседая под ногами. Я боялся, что старое порченое дерево не сможет выдержать мой вес, и каждую секунду ожидал погружения в холодную воду. Учитывая то, что река впадала в бездну, ничего хорошего это купание не сулило. Но все обошлось благополучно: мы вылезли на берег насквозь промокшие – глубина возле берега была мне по горло, зато без приключений и происшествий.

К полудню стало заметно, что тропинка идёт под уклон – местность начала понижаться, но это стало очевидно, только когда мы набрали на родник, ручеек из которого тёк вниз по склону, а не в сторону бездны, как это происходило на равнинах. Он весело журчал по камешкам, между неглубоких бережков, поросших сочной зелёной травкой. Было здорово идти вдоль него, а ещё лучше – снять сапоги и пойти босым, по щиколотку в воде...

Трофей вдруг напрягся, остановился, насторожив уши и пригнувшись: где-то впереди был или враг, или добыча. Оглянувшись на меня, он вдруг сорвался с места, и в несколько гигантских прыжков исчез за кустами, скрывающими изгиб речушки.

Длинные тонкие ноги не спасли оленька – грациозное животное, с которым в скорости могли потягаться только твари-из-бездны. Он лежал в траве неподвижно, превратившись из живого триумфа природы в определённое количество мяса. Трофей сидел над добычей и поджидал меня. Он был явно доволен, и почти напрашивался на похвалу, но в такие моменты я особо ясно понимал Стихву – её нежелание есть мясо. В доме всегда была мясная пища – дичью нас снабжал Кемаль, но я ни разу не видел, чтобы мама ела хлеб с мясом или похлёбку. Она питалась только растительной пищей. На все расспросы, почему же она не ест мяса, Стихва только смеялась, и говорила, что когда подрасту – пойму. Я понял, но отказаться от такой пищи все – равно не мог.

Однажды мне пришлось наблюдать, как двое охотников, вынув из капкана детёныша оленька, закололи его, и никогда не забуду того крика – наполненного болью, похожего на человеческий. Больше месяца тогда не мог даже смотреть на мясо – в памяти тотчас всплывала эта сцена. Но питаюсь как Стихва, я чувствовал постоянный голод – корни, плоды и зёрна

не давали мне необходимой силы. Человек – хищник, такая же тварь-из-бездны, как и Трофей, как любое другое отродье, выкарабкавшееся на обрыв из огненной круговерти, только ещё... страшнее. За счёт разума и алчности.

Большие индиговые глаза оленька подёрнулись мутной паволокой смерти, я старался не смотреть в них, разделявая тушу. Вырезав несколько кусков, отошёл к ручью – помыть руки, оставив тушу Трофею.

Вечер застал нас на краю Болотищ. Осколок ещё не зашёл, но я решил, что начать переход лучше в начале дня, а не в конце. Всё-таки я никогда не ходил по болотам и топям, а по рассказу Кемаля было ясно, что это очень коварные места. Несколько часов ничего не решат.

Странная встреча

Рассвет разгорелся под бульканье болота, мерное, как постукивание палки странствующего слепого. Трофей мирно дрых, растянувшись возле прогоревшего костра.

Зыбкая трясина, простёршаяся на сколько хватало глаз, была покрыта веселой зелёной травкой и невысокими странными деревьями с белой бледной корой и грустно опущенными ветвями.

Нам повезло: спустя час после восхода, наткнулись на вешки – зарубки на странных деревьях, чёрные отметины на белой коре. Кто-то из жителей Янавра проложил тут тропинку. Сначала пришлось прыгать с кочки на кочку, но спустя какое-то время можно было идти по зыби, как по обычной тропе – главное, не останавливаться. Стоило несколько секунд простоять, высматривая очередную зарубку, как сапоги начинали погружаться в мягкую холодную почву.

Мы двигались от зарубки к зарубке, и я старался не думать, что буду делать, если ночь настигнет нас на поверхности зыби. Оставалось надеяться на то, что местные охотники также предпочитали ночевать на твёрдой поверхности, а не в топи.

К полудню оптимизма и надежды поубавилось – конца и края белокорой роши видно не было, а значит, и конца болоту. Немного поразмыслив, я решил всё-таки не останавливаться, чтобы пообедать, несмотря на изрядную усталость от прыжков с кочки на кочку. Да и что это был бы за отдых, когда не чувствуешь под собой твёрдой опоры – земли? Пришлось перекусить на ходу куском холодного жареного мяса, Трофей же опять куда-то исчез.

Но, пообедать спокойно, даже на ходу, мне не дали. И наполовину не успев расправиться со своим куском, когда услышал крики где-то впереди и в стороне. Как принято говорить у нас в деревне, кто-то «орал дурниной». Когда я приблизился, не особо выбирая кочки, крики перешли в громкие стенания:

– Помогите мне, клянусь: не врать, не красть, не связываться с драконьерами... что ещё? Я буду делать только добро... ну кто-нибудь, спасите меня, я ведь хороший!

Когда я вышел из-за деревьев, он на миг замолчал, а потом заорал так, что просто уши заложило:

– Помогите!

Паренёк (то, что он молодой, стало понятно только после того, как он умылся...) провалился в трясину уже по грудь, удерживаясь на поверхности за счёт какой-то коряги, то и дело норовящей потонуть под весом бедолаги.

Как он оказался в Болотищах без снаряжения, и даже без длинного шеста – неопределяемого помощника при переходе топи, я в тот момент не понял, да и не было времени задумываться над этой нелепостью.

Увидев меня, он не только заорал, но ещё и попытался размахивать руками – что было в таком положении непростительной ошибкой. Коряга выскочила из-под рук, отлетев довольно далеко, и он немедленно стал погружаться в трясину. И вместо того, чтобы спокойно обвязаться верёвкой и подстраховаться от падения, я был вынужден протянуть ему шест так, положившись на своё чувство равновесия. Которое не преминуло меня подвести, малознакомого с коварством болотных кочек. Всё кончилось тем, что кочка выскользнула из-под ног, и я со всего маху плюхнулся в топь. Зато, мы оба держались за шест и медленно погружались.

Не знаю, чем бы кончилась эта история, может, мы бы выбрались, но Трофей выбрал именно этот момент, чтобы вернуться. Бедный Хмысь с перепуга выпустил конец шеста и попытался уплыть. Только мои крики, да то, что он начал тонуть, помогли юноше опомниться, и он опять схватился за шест, испуганно глядя на тварь.

Трофей, недолго думая, ухватил меня за ногу и начал вытягивать из топи. Потом мы вытянули парнишку. Выглядел он весьма грязным и напуганным, только теперь не только появ-

лением твари-из-бездны, а тем, что мы действуем сообща. Несмотря на опасность вновь оказаться в трясине, он попытался отползти подальше от нас, хотя Трофей сидел смиренно и не делал попыток пообедать новым знакомым.

Итак, звали юношу Хмысем. Так он представился, едва прошёл первый испуг. Наверное, мы сейчас оба были похожи на каких-то болотных чудовищ, с головы до ног покрытые болотной грязью и ряской. И по словам Хмыся, искупаться можно будет только через несколько часов – если он правильно выведет нас из топи. Оставаться долго на одном месте было нельзя, пришлось отложить сладкую мысль об отдыхе и тащить ноющие кости и мышцы к краю болотищ.

Трофей, видимо, чтобы не пугать парня, снова исчез среди деревьев, предоставив мне одному общаться с ним. Ничего другого и не оставалось, да я и был рад хоть такому проводнику – подспудно всё же тревожила мысль о возможной ночёвке среди топи. Впрочем, собеседник спасённому не очень-то был нужен, скорее – слушатель. И эта роль меня вполне устраивала, так как давала возможность ничего о себе не рассказывать.

Из его бесхитростного рассказа, выяснилось не очень много, он говорил скорее о своих чувствах и переживаниях, а не о событиях. А в болота он полез без снаряжения, погнавшись за шипохвостом, который сбежал от него по пути из порта. Насколько я понял, там лежало нечто, весьма ценное и недавно приобретённое им у драконьеров. Поток красноречия, жалоб на злодейку-судьбу и угроз в адрес бестолкового шипохвоста, иссяк только когда мы ступили на надёжную твердь. Свет Осколка медленно угасал, и остаток дня мы потратили на то, чтобы оттереть присохшую болотную грязь в ручейке, впадающем в Болотища, собрав дрова для костра уже при свете дрожащего марева Бездны.

Угостив незадачливого ловца шипохвоста скромным ужином, я подождал, пока он заснёт (а ждать пришлось недолго: перекусив, он моментально осоловел), и тихонько посвистел. И вздрогнул, когда серая тень скользнула в освещённый костром круг. Весь вечер Трофей не показывался на глаза, хоть и был где-то рядом. Теперь же он уселся у огня, рассматривая спящего, временами облизываясь. Если б я не видел, его набитого брюха, то подумал бы, что он предвкушает обильную трапезу.

– Только не делай так, когда он проснется, – улыбнулся я и получил в ответ лукавый взгляд.

Засыпая, я видел Трофея, все так же сидевшего у огня и рассматривающего Хмыся умными глазами. Интересно о чём он думал? Почему-то я сомневался, что о еде...

– А-а-а... А-а-а... – этот звук преследовал меня с настойчивостью голодного хищника, преследующего раненую жертву, мешал сомкнуть глаза и вновь погрузиться в сон. С трудом оторвав голову от скатанного валиком плаща, я осмотрелся: невнятные, но настойчивые звуки издавал Хмысь, причём в свете костра были видны только его ноги, на которых царственно возлежал Трофей, невозмутимо всматривающийся в темноту.

– Хмысь... – спросонья голос звучал хрипло и тихо, пришлось напрячься, чтобы перекрыть его завывания. – Хмысь, ты чего? Трофей, слезь с него...

Наглая псина лениво повернула ко мне голову и медленно встала – завывания немедленно прекратились, а ноги исчезли из круга света. Правда, появился Хмысь – бледный и перепуганный, тихо сел у огня.

– И чего вам не спится... – проворчал я, вновь умащиваясь на своём месте, надеясь поймать остатки сна. Но не тут-то было.

– Лунь, ты кто? – кажется, пережитый только что ужас прочистил ему мозги, раз он решил задать вопрос, который должен был задать сразу.

Пришлось ответить:

– Я тот, кого только что бесцеремонно разбудили, и очень хочу спать... Все вопросы утром.

Несколько мгновений стояла тишина, и я даже успел обрадоваться, что сейчас я все же усну... наивный. Тихо прошуршали шаги по траве – Хмысь подошёл, сел рядом.

– Лунь, правда, кто ты? Откуда эта тварь? И почему она тебя до сих пор не съела?

– Я когда-то спас Трофея от смерти. Это всё, можно спать?

– А зачем ты идёшь в Янавр?

Оправданием мне могла послужить только одурманенность сном и усталостью:

– Мне надо узнать, что такое голубые кристаллы... драконьеры должны это знать.

– Я пойду с тобой, ладно? Если я вернусь домой без шипохвоста, отец меня убьёт.

– Хорошо, – пробормотал я, – пойдёшь. Только если дашь мне, наконец, заснуть...

Хмысь умолк, а я погрузился в сон, как в тёмный омут.

События в Янавре

Янавр расположился в широкой ложбине, между двух некрутых гор. Это большое поселение уже и деревней было называть как-то неловко – больно уж оно разрослось, даже с высоты было видно, какое оживление царит на улицах. Особенно в порту, где я насчитал четыре драгала. Очевидно, в Янавре полно драконьеров. Им тут, мёдом намазано, что ли? Или это... – мне стало зябко, – по мою душу? Да нет, тогда бы они прямо к нам отправились. А не торчали бы здесь.

Мы одолели половину спуска, когда свет Осколка выхватил из марева бездны парус – к причалу мчался ещё один драгал, пятый по счёту. А в нашу деревню месяцами ни один не заглядывал.

По крышам скользили последние лучи светила, когда мы спустились с горы и спрятались за разросшимся кустом тёрна – я собирался идти в Янавр в темноте. Теперь главной проблемой стал Трофей: я не мог взять его с собой в поселение. Первый же человек, увидевший тварь-из-бездны, поднимет переполох на весь мир... А мне это совсем ни к чему. Но и оставлять его, и идти туда, где меня ждёт неизвестность, одному не хотелось. Как быть?

Можно, конечно, понадеяться на мою «сказочную везучесть», да на то, что странное появление твари в обществе людей спишут на причуды драконьеров. Вон их сколько собралось. Рискованно, но другого выхода, похоже, нет.

Я шагнул было к деревне, и был остановлен Хмысем, до этого терпеливо ожидавшего окончания моих раздумий.

– Я не совсем понял, что тебе нужно от драконьеров, и о каких голубых-голубых кристаллах ты толковал сегодня ночью... Не знаю, что известно драконьерам о тебе... Но у тебя очень приметная внешность, я, например, впервые вижу у человека белые волосы.

Сказано это всё было с абсолютно невинным, бесхитростным видом, но упоминание о кулонах заставило меня вздрогнуть, и обругать себя последними словами.

– С чего ты решил, что я могу заинтересовать их?

– Ну... они уже с неделю ведут себя весьма странно: без видимой причины появляются в Янавре, рыскают по улицам, подолгу засиживаются в наших харчевнях... В общем, ведут себя так, будто что-то потеряли и не знают, где искать пропажу. Вот я и подумал, что если ты интересуешься ими, то они, вполне вероятно, могут интересоваться тобой.

– Понятно. Но думаю, ты ошибаешься. Я ничем не мог пока заинтересовать драконьеров, но всё-таки лучше не попадаться им под горячую руку.

Накинув на голову капюшон, значительно уменьшивший поле зрения, я двинулся к посёлку. А что ещё можно было сделать? Хмысь такой же мальчишка, как и я, может, даже младше. Вполне возможно, что от него действительно удрал шипохвост (некоторые из этих тварей отличаются редким злонравием), и он угодил в болото как раз там, где мне судилось переходить топи. Не убивать же его за то, что «раз испуганный тени страшится» – так иногда говаривала мама.

Но, не дойдя немного до деревни, я резко остановился, изменив решение. Попрошив Хмыся подождать, я вернулся немного назад, позвав псину. Убедившись, что мой новый знакомый отошёл достаточно далеко, я перекинул через голову цепочки, снимая кулоны. Повесил их на шею Трофея:

– Ты не можешь идти со мной. И кулоны я не хочу брать с собой. Если уж попадусь драконьерам, то пусть хотя бы кулоны им не достанутся, раз уж они им так нужны. Оставайся где-нибудь поблизости, если всё будет нормально, я вернусь завтра туда, где мы спустились с горы. Ты понял?

Он понял всё правильно, я был в этом уверен. Когда я зашагал к маявшемуся неподалёку Хмысю, Трофей остался сидеть на месте.

Деревня нас встретила тишиной и темнотой. Лишь в некоторых окнах трепетали язычки огня от лучин или лампад. Деревня затаилась, сдерживая дыхание – и чего-то ждала. Недоброго.

– Где здесь можно переночевать?

– Лучше всего в харчевне Старого Хабрида, – после некоторых раздумий ответил мой спутник. – Харчевня называется «У Старика». Цены у него умеренные, а еда и питье – выше всяких похвал, да и мы знакомы с ним...

Мы шли узкими тёмными улицами, лишь изредка встречая торопливых прохожих.

– Обычно у нас не так тихо, – громко и беспечно заявил Хмысь, – это все из-за драконьеров. Люди боятся, и стараются лишний раз не выходить из домов. А, вообще-то, у нас здорово: драконьеры привозят много диковин, может, я завтра отведу тебя посмотреть их товары. Тут недалеко есть несколько лавок. Правда, торгаши цены ломают – не подступишься, но хоть посмотреть – и то интересно.

Вряд ли я пойду смотреть на эти диковины, слишком уж большой переполох драконьеры устроили. Что же это за кристаллы?

Несмотря ни на что, большие окна харчевни были ярко освещены – хозяин не жалел масла для лампад.

– Наш Старик никого не боится и ни о чём не жалеет, – так прокомментировал это Хмысь.

Массивная деревянная дверь лихо закрипела, когда Хмысь потянул за ручку. Очевидно, этот скрип был сигналом хозяину, что в харчевне появился гость.

В просторном зале, заставленном массивными столами и скамьями почти не было посетителей. Только сидела за столиком в глубине небольшая группа драконьеров, да за крайним столиком примостилось ещё несколько путников, явно чувствующих себя не в своей тарелке. Никто из них, несмотря на жару в помещении и яркое освещение (а, может, и по причине его?) не откинули капюшоны, предпочитая терпеть неудобства, но остаться неизвестными. Но драконьерам, казалось, не было никакого дела до остальных присутствующих, они сосредоточенно пили что-то и тихо разговаривали.

Всё это я окинул одним взглядом, чувствуя, как по коже пробежал мороз, известный только тем, кто бежал от огня, да попал в полымя. Отступать было нельзя – драконьеры сразу бы скинули наигранное безразличие, учуяв добычу. Оставалось сделать вид, что ничего другого мы и не ожидали увидеть. Мы здесь старожилы. Мы свои, в курсе происходящих событий, и ничто нас не интересует, кроме кружечки честно заработанного холодного пивка... Никакие, странно ведущие себя, драконьеры...

Кажется, Хмысь тоже это сообразил: протопав к стойке, на которой красовалось несколько глиняных кружек и бочонок с пивом, он громко хлопнул по гладкой тёмной поверхности, и зычно позвал хозяина по имени. И по-моему, очень сильно переигрывал – от страха. Нас стали рассматривать ещё более пристально, чем когда мы вошли в харчевню. Находиться под перекрестьем человеческих и нечеловеческих глаз было тяжело, напряжение, незримо сгустившееся в помещении давило, и должно было вот-вот взорваться. Но тут появился хозяин харчевни. Возник за стойкой, словно был там давно и никуда не отлучался.

– О-о, Хмыся, давненько я тебя не видал, как папаша, ещё жив, старый ругатель? Чего не появлялся-то?

Я спиной почувствовал, как спадает напряжённое внимание к нам, и люди и драконьеры вернулись к своим разговорам и мыслям. Похоже на то, что не только драконьеры заинтересованы найти кулоны, ох, неслучайно засела тут эта компания.

Вполуха слушая беседу Хмыся со Старым Хабридом, искоса изучая группку людей, сидевших очень тесно, несмотря на недостаток свободных столов и лавок. Судя по всему, из пяте-

рых путников (и я почему-то был уверен, что они прибыли издалека), двое были девушками. Их выдавали изящные тонкие пальцы и запястья, манера держать кружку... Это было тем, что трудно замаскировать плащом, и сразу бросающимся в глаза, если обращать внимание на такие детали.

Хмысь закончил общаться с харчевником, получил две кружки пива в обмен на звонко звякнувшие монеты, и заверения, что ужин для дорогих гостей скоро будет готов.

Пока мы неторопливо пили пиво и поджидали обещанный ужин, в харчевню просочилось ещё несколько человек, явно местных. Они не примкнули ни к одной из групп, взяв пиво, занялись своими разговорами, не обращая ни на кого особого внимания.

Все неприятности в мире происходят оттого, что кто-то не вовремя расслабится, потеряет бдительность.

Мне казалось, что сегодня уже ничего не случится: мы спокойно поужинаем и отправимся спать... На деле же получилось совсем не так. Сначала я увидел окаменевшее лицо Хмыся и его расширившиеся глаза, в которых застыл страх. Потом мне на плечо опустилась сухая костистая ладонь. Тяжело опустилась.

– Парень, пойдёшь прогуляйся. Твой дружок кое-что приобрёл у меня вчера, но полностью не рассчитался... Кажется, нам есть что обсудить.

Драконьер говорил спокойным голосом, глуховатым и низким, но даже так в интонациях проскальзывала нотка угрозы. Хмысь ещё сильнее побледнел и, похоже, мечтал раствориться в воздухе. Что ж ты натворил, мой нечаянный попутчик, отчего теперь так трясёшься?

Проще всего было «пойти прогуляться», и наверно, правильной всего. Кто он мне? Сват, брат, друг? Какое отношение я имел к его проблемам? Но... как всегда – это проклятое «но»! Но я спасал его в топях, пусть и с помощью Трофея, и через это обстоятельство так просто не перешагнуть.

– Вы обознались, – скучным голосом ответил я, нащарив рукоять кинжала под плащом, – мой друг не мог ничего у вас «приобретать». Сегодня первый день, как он встал с постели после болезни.

В следующий миг я взлетел в воздух, изворачиваясь и чувствуя, как кинжал входит во что-то упругое. Упал я на стол, молодец стол, крепкий – выдержал, пребольно приложившись лопатками и затылком. Мимолётно удивился силе, с которой меня швырнул драконьер, и задался вопросом: эти существа все так сильны или он исключение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.